

ДЕЛО

№ _____

Н.А. Соколов

РАССЛЕДОВАНИЕ
УБИЙСТВА
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
СЕМЬИ

ИЗБРАННЫЕ
ГЛАВЫ

NICOLAS
SOKOLOFF

ENQUÊTE
JUDICIAIRE
SUR L'ASSASSINAT
DE LA FAMILLE
IMPÉRIALE RUSSE

Николай Соколов

**Расследование убийства
Российской Императорской
семьи. Избранные главы**

«ДЕРЖАВНОЕ НАСЛЕДИЕ»

1924

УДК 929
ББК 63.3(2)61

Соколов Н. А.

Расследование убийства Российской Императорской семьи.
Избранные главы / Н. А. Соколов — «ДЕРЖАВНОЕ
НАСЛЕДИЕ», 1924

ISBN 978-5-6042303-1-2

В 1924 г. в Париже на французском языке вышла в свет книга Н.А. Соколова под названием «Расследование убийства Российской Императорской семьи». Вскоре после её издания автор внезапно скончался. Уже после его смерти в 1925 г. была напечатана книга «Убийство Царской семьи» на русском языке, которая сегодня широко известна читателю. Настоящее издание является переводом прижизненной работы следователя (1924 г.). Она впервые напечатана на русском языке благодаря переводу, который осуществил историк, писатель и переводчик Сергей Юрьевич Нечаев. Издание предназначено для всех интересующихся отечественной историей.

УДК 929
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-6042303-1-2

© Соколов Н. А., 1924
© ДЕРЖАВНОЕ НАСЛЕДИЕ, 1924

Содержание

Предисловие редактора	6
Н.А. Соколов	13
Предисловие автора	13
Как было организовано расследование	14
Глава I	16
§ 1	16
§ 2	18
§ 3	20
Глава II	21
§ 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Алексеевич Соколов
Расследование убийства Российской
Императорской семьи. Избранные главы

© ООО «ДЕРЖАВНОЕ НАСЛЕДИЕ», 2019

© Нечаев С.Ю., перевод

© Вебер М.И., общая редакция, предисловие, биографические справки

Предисловие редактора

Разгадка тайны гибели Царской семьи и их слуг в Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. тесно связана с именем одного человека – судебного следователя Николая Алексеевича Соколова. Обладавший слабым здоровьем и всю жизнь боровшийся с тяжелыми недугами, Н.А. Соколов продемонстрировал недюжинную силу духа, сумев в тяжелейших условиях Гражданской войны провести на высоком уровне расследование убийства Царской семьи в Екатеринбурге и написав об этом в эмиграции обстоятельную книгу, которую Вы держите сейчас в руках. Кем же был этот человек?

Николай Алексеевич Соколов родился 21 мая старого стиля 1882 г. в провинциальном уездном городе Мокшане Пензенской губернии в купеческой семье. В 1904 г. Соколов с дипломом 1-й степени окончил юридический факультет Императорского Харьковского университета и поступил на судебную службу. Почти вся его карьера связана с Пензенским окружным судом, за одним исключением: в период с 1 ноября 1904 г. по 31 октября 1905 г. Н.А. Соколов служил в Грузии, в Тифлисском¹ окружном суде, где открылась подходящая вакансия². Однако, при первой же возможности он вернулся в Пензу, где и дослужился к революции 1917 г. до должности следователя по важнейшим делам Пензенского окружного суда, зарекомендовав себя за это время исключительно с лучшей стороны.

Октябрьский переворот стал своеобразным водоразделом в судьбе Н.А. Соколова, как и в судьбах многих тысяч других сторонников монархии. Нежелание сотрудничать с советской властью привело Н.А. Соколова к решению об уходе со службы, которой он посвятил столько лет. Однако, Соколов не ограничился одними лишь пассивными способами протеста, к числу которых можно отнести увольнение по собственному желанию. В 1918 г. Н.А. Соколов вступил в подпольную антибольшевистскую монархическую организацию, возглавляемую генералом С.Н. Розановым, и выполнял различные ответственные поручения в тылу у красных. Начавшаяся в сентябре 1918 г. после покушения эсерки Ф. Каплан на В.И. Ленина масштабная кампания красного террора вкупе с успехами белого движения на Восточном фронте подтолкнула Соколова к мысли о необходимости покинуть пределы Советской России и попытаться перебраться за линию фронта.

Иногда в исторической публицистике пишут, что Н.А. Соколов чуть ли не весь путь из Пензы в Сибирь проделал пешком, под видом нищего крестьянина. Это не так. Из Поволжья в Сибирь осенью 1918 г. Соколов доехал на поезде. Пешее путешествие Соколова было короче и опасней. Он прошел пешком от Пензы до Сызрани, но при этом ему пришлось пересечь линию фронта, что было сопряжено с огромным риском для жизни. Безусловно, для того, чтобы решиться нелегально пересечь линию фронта требовалась большая личная смелость, ведь в случае раскрытия личности красные могли расстрелять Соколова на месте по подозрению в шпионаже. А чтобы переход оказался удачным – еще и большая смекалка. По этой причине Н.А. Соколов и прибег к маскировке, переодевшись в простого крестьянина для своего недолгого, но опасного перехода из Пензы в Сызрань³.

Практически одновременно с Соколовым перешел линию фронта и С.Н. Розанов, также под видом бедного крестьянина. Член Временного Областного правительства Урала, кадет Л.А. Кроль следующим образом описал встречу с ним в 20-х числах сентября 1918 г. в Уфе:

¹ Тифлис – дореволюционное название г. Тбилиси.

² ГАПО. Ф.42. Оп.1. Д.113. Л.139. Л. 3–4.

³ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М: Русский путь, 1998. С. 214.

«К столику за которым я сидел подошел сильно обтрепанный человек, почти оборванный. При трудности получения разрешения на вход в Сибирскую гостиницу, меня удивило даже его появление.

– Вы г. Кроль? – спросил он меня.

– Да.

– У меня к Вам поручение из Москвы от Н.Н.

Сомнений не могло быть. Он передавал поручение в таких словах, что у меня их не оставалось.

– А с кем имею удовольствие говорить?

– Я – генерал Розанов... Только что перебрался через фронт. Во избежание в будущем всяких недоразумений между нами, считаю долгом Вам сказать, что я – убежденный монархист. Думаю, однако, что недоразумений между нами не будет, так как политика – не мое дело; мое дело – военное»⁴.

Оказавшись у белых, С.Н. Розанов вскоре был назначен на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева⁵. 30 сентября 1918 г. он дал Н.А. Соколову лестную рекомендацию, немало поспособствовавшую карьере последнего у белых. В своей рекомендации генерал писал о следователе, что тот «со времени большевистского переворота терпел всяческие притеснения от советской власти за его решительный отказ служить в судебных большевистских коллегиях»⁶. Розанов особо подчеркнул тот факт, что Соколов входил в состав различных подпольных «организаций, имевших целью возрождение Родины, руководимых лично мною, и деятельно помогал установлению связи, отправки офицерских кадров и т. п.»⁷.

Что вынудило Н.А. Соколова осенью 1918 г. покинуть родное Поволжье и уехать в Сибирь? Прежде всего, успешное наступление Красной армии, поставившее под угрозу захвата Самару и другие поволжские города и вызвавшее массовое бегство сторонников белых. Кроме того, надо учитывать, что в Поволжье у власти после свержения большевиков находилось социалистическое правительство – Комитет членов Учредительного собрания, а в Сибири – правоцентристское Временное Сибирское правительство, куда более приемлемое для придерживавшегося монархических взглядов Н.А. Соколова.

19 октября 1918 г. министерством юстиции Временного Сибирского правительства Н.А. Соколов был назначен товарищем прокурора Иркутского окружного суда⁸, но уже вскоре его перевели на работу в столицу белой Сибири – г. Омск. 5 ноября 1918 г. состоялось назначение Н.А. Соколова на должность следователя по важнейшим делам Омского окружного суда⁹.

В феврале 1919 г. Верховный Правитель России, адмирал А.В. Колчак вызвал к себе Н.А. Соколова и предложил ему ознакомиться с материалами дела о гибели Царской семьи, чтобы в дальнейшем заняться расследованием этого преступления. Николай Алексеевич Соколов был монархистом до мозга костей и потому воспринял порученное ему расследование как главное дело своей жизни.

Н.А. Соколов получил от Верховного Правителя карт-бланш в деле расследования обстоятельств убийства Царской семьи. 3 марта 1919 г. Колчак подписал документ, дающий следователю самые широкие полномочия:

⁴ Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток: Свободная Россия, 1921. С. 137.

⁵ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 59.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 752. Л. 1об.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 752. Л. 1об.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 752. Л. 4.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 752. Л. 5.

«Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования Судебного Следователя по особо важным делам Н.А. Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего Императора, его семьи и Великих князей.

Адмирал А. Колчак»¹⁰.

В марте 1919 г. следователь Соколов прибыл из Омска в Екатеринбург и поселился в доме Захарова (по адресу Фетисовская улица¹¹, дом 15), в котором арендовал комнату в квартире Владимира Петровича Аничкова (1871–1939), возглавлявшего отделение Волжско-Камского банка в Екатеринбурге. Примечательно, что весной 1918 г. на квартире у Аничкова в этом доме останавливался Великий князь Сергей Михайлович, которого навещали князья Константин и Игорь Константиновичи, а также князь Владимир Палей. Эти представители Дома Романовых недолго находились в ссылке в Екатеринбурге, вскоре они были отправлены в Алапаевск, где в июле 1918 г., практически одновременно с Царской семьей, их и казнили большевики.

Другим известным постояльцем В.П. Аничкова был камердинер Николая II Т.И. Чемодуров (1849–1919), который в 1918 г. сначала содержался в Ипатьевском доме, потом заболел и был переведен в больницу при екатеринбургской тюрьме и, таким образом, чудом избежал гибели вместе с остальными узниками Дома особого назначения в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. После занятия Екатеринбурга белыми Чемодуров был освобожден из тюрьмы и летом 1918 г. некоторое время снимал комнату в квартире В.П. Аничкова, а затем уехал к своей жене в Тобольск.

В своих мемуарах Аничков упоминает, что договорился с Чемодуровым о том, чтобы записать его воспоминания о службе у Николая II после возвращения Чемодурова из Тобольска, и с этой целью зарезервировал для него комнату в своей квартире, согласовав этот вопрос с уполномоченным командующего Сибирской армией по охране государственного порядка в Пермской губернии С.А. Домонтовичем, убежденным монархистом, бывшим гвардейским офицером¹². (В этот период Екатеринбург был переполнен войсками и беженцами и в жилье наблюдался острый дефицит, поэтому сдача комнат происходила централизованно, по согласованию с военными властями). Однако, в феврале 1919 г. Т.И. Чемодуров скоропостижно скончался в Тобольске. Таким образом, комната, предназначенная для него, освободилась. Вероятно, ее и занял приехавший в марте 1919 г. в Екатеринбург Н.А. Соколов.

О судебном следователе Соколове В.П. Аничков впоследствии вспоминал следующее:

«Не могу сказать, чтобы следователь произвел на меня приятное впечатление, но его присутствие вносило много интересного в нашу жизнь. Приходя из суда обычно к вечернему чаю, он рассказывал нам о результатах следствия. Не буду приводить эти рассказы, которые можно найти в изданной им книге и книге генерала Дитерихса.

Соколов частенько жаловался на недостаточно внимательное отношение к делу со стороны министра юстиции Омского правительства и на частый недостаток средств для ведения дела. Также Соколов жаловался на вмешательство в следствие некоторых иностранных генералов, имевшее место, как ему казалось, из желания исказить истину с целью обелить большевиков.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

¹¹ Сейчас это улица Бориса Ельцина.

¹² Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М: Русский путь, 1998. С. 175.

Соколов не любил говорить точно, изъясняясь намёками, отчего я плохо его понимал. Он был в хороших отношениях и с Верховным Правителем, а особенно с генералом Дитерихсом, о котором отзывался лестно, говоря, что тот много раз оказывал ему незаменимые услуги.

Однако далеко не все относились к Соколову так, как Колчак и Дитерихс. Этому отношению мешала боязнь прослыть монархистом.

Во всяком случае, следователь был уверен в убийстве всей Царской семьи без исключения. Следователь разыскивал всевозможные доказательства убийства, говоря, что этим он борется с возможностью появления самозванцев»¹³.

В Екатеринбурге Н.А. Соколов вел интенсивную работу по установлению обстоятельств гибели Царской семьи и поисках их останков. Он произвел внимательный осмотр места преступления – дома Ипатьева, назначил ряд дополнительных криминалистических экспертиз, искал и допрашивал новых свидетелей и подозреваемых по этому запутанному делу. Когда сошёл снег, Соколов организовал масштабные поисковые работы в заброшенном руднике Ганина яма. Стоит отметить, что в рамках следственного эксперимента, Соколов лично прошёл пешком весь путь, по которому проследовал грузовик с останками Царской семьи: от дома Ипатьева до Ганиной ямы.

1919 г. оказался важным не только для карьеры Н.А. Соколова, но и для его личной жизни. Как известно, первым браком Н.А. Соколов был женат на дочери купца Марии Степановне Никулиной, но к 1919 г. этот брак распался. В Екатеринбурге Соколов познакомился и женился на Варваре Владимировне Ромодановской (1900–1983) – представительнице знатного дворянского рода, дочери Владимира Константиновича Ромодановского и Марии Николаевны Жедринской. (Впрочем, было в истории их рода и темное пятно – в 1907 г. отец Ромодановской был приговорен к 1 году 6 месяцам тюремного заключения за растрату казенных денег). Уроженка Самары, Ромодановская оказалась в Екатеринбурге вместе с волной беженцев, покинувших Поволжье, чтобы не попасть в руки к большевикам. Варвара Ромодановская также имеет косвенное отношение к расследованию гибели Царской семьи. Как видно из материалов следственного дела, Соколов неоднократно привлекал Ромодановскую в качестве понятой. Ромодановская последовала за ним в эмиграцию, где у них родились дети. Стоит отметить, что она надолго пережила своего первого супруга, скончавшись 15 января 1983 г. в монастыре во Франции.

Поражения колчаковской армии помешали Н.А. Соколову завершить все запланированные им следственные действия в Екатеринбурге. В июле 1919 г. возникла угроза захвата города Красной армией и колчаковцы начали спешную эвакуацию правительственных учреждений и служащих на восток. В июле 1919 г. Н.А. Соколов был вынужден оставить Екатеринбург, прервав поиски останков Царской семьи на Ганиной яме. С отступающей армией Колчака он отправился в длинный и опасный путь на восток. В дороге Соколов продолжил активно работать над разгадкой трагедии, произошедшей в Ипатьевском доме – анализировать показания, выявлять и допрашивать новых лиц, причастных к этому делу. Отметим основные остановки следователя на этом долгом пути. Из Екатеринбурга Соколов переехал в Тюмень, затем в Ишим, в августе 1919 г. оказался в Омске, а с октября по декабрь 1919 г. Николай Алексеевич работал в Чите. В этот период произошло окончательное крушение режима адмирала А.В. Колчака, которого предало его окружение и иностранные союзники.

В начале 1920 г. Соколов был вынужден покинуть Россию. Он остановился в Харбине, куда также приехали генерал М.К. Дитерихс, английский журналист Р. Вильтон (1868–1925) и бывший преподаватель Цесаревича Алексея П. Жильяр (1879–1962). Став свидетелем кру-

¹³ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М: Русский путь, 1998. С. 211.

шения белого дела на Востоке России, Соколов чувствовал, что он и собранные им следственные материалы находятся в опасности. Он предпринял меры для того, чтобы выехать со всем багажом в Европу. Для этого он обратился за помощью к представителям английского МИДа, но Великобритания отказала Соколову. В своей книге он пишет об этом тяжелом периоде в своей жизни следующее:

«Добавлю, что в момент смерти адмирала Колчака я находился в Харбине в чрезвычайно стесненном положении. Желая любой ценой сохранить материалы следствия, я обратился в феврале 1920 года с письмом к послу Англии в Пекине г. Лэмпсону и просил его дать мне возможность вывезти эти документы в Европу. Я указывал, что в числе вещественных доказательств имеются останки жертв, и я подчеркивал роль немцев в этом деле. 23 февраля ко мне прибыл секретарь посла г. Киф и сообщил мне, что посол телеграфировал в Лондон просьбу об инструкциях. 19 марта британский консул в Харбине г. Слей передал мне ответ английского правительства. Он был отрицательным. В тот же день я отправился к французскому генералу Жанену, который находился в Харбине. Генерал Жанен ответил сопровождавшему меня генералу Дитерихсу и мне, что считает доверенную ему нами миссию долгом чести по отношению к верному союзнику. Благодаря генералу Жанену документы следствия удалось спасти и вывезти в надежное место»¹⁴.

Таким образом, благодаря помощи французского генерала Мориса Жанена (1862–1946) в марте 1920 г. Соколову удалось покинуть Маньчжурию и вывезти все материалы и улики по делу об убийстве Царской семьи в Европу.

Весной 1920 г. Н.А. Соколов и следственное дело оказались во Франции. Там он и генерал М. Жанен решили передать вывезенные из России материалы Великому князю Николаю Николаевичу, который сумел спастись в годы революции и Гражданской войны и эмигрировать в Европу. Однако, Николай Николаевич отказался принять следователя и не взял на хранение следственные материалы, предложив передать их М.Н. Гирсу (1856–1932), бывшему послу России в Риме, старейшему русскому дипломату в эмиграции. 18 января 1921 г. Н.А. Соколов получил от Гирса расписку в том, что последний получил на хранение подлинное следственное дело вместе с вещественными доказательствами по нему.

Необходимо отметить, что Соколов оставил себе копии важнейших документов следственного дела и продолжал, по мере возможности, работать над разгадкой гибели Царской семьи и в эмиграции. За два года он сумел допросить многих свидетелей, оказавшихся в эмиграции. В частности, в этот период ему дали свои показания политические лидеры Февральской революции: князь Г.Е. Львов (1861–1925), А.Ф. Керенский (1881–1970), А.И. Гучков (1862–1936), П.Н. Милюков (1859–1943).

Нельзя сказать, что Соколов нашёл всеобъемлющую поддержку в эмигрантских кругах. Русская диаспора во Франции, как и в других странах, была достаточно разношерстной и придерживалась различных, зачастую антагонистичных, политических взглядов. В первое время следователя воспринимали с большим любопытством, но постепенно интерес стал угасать. Отдельные эмигранты относились к его деятельности негативно и даже враждебно.

По-разному реагировали на расследование Н.А. Соколова и те представители Дома Романовых, которым удалось эмигрировать за границу. Вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна, мать Николая II, не захотела встретиться с Соколовым. Она отказывалась верить в то, что её сын убит со всей своей семьей. На чудесное спасение узников Ипатьевского дома также

¹⁴ См. Заключение.

продолжали надеяться сестры Николая II – Великие княгини Ольга Александровна и Ксения Александровна.

Среди узкого круга лиц, которые были по-настоящему близки и дружны с Соколовым в эмигрантский период его жизни, следует выделить князя Николая Владимировича Орлова (1896–1961), который был женат на племяннице Великого князя Николая Николаевича. Орлов оказывал покровительство Соколову и помог ему издать его книгу об убийстве Царской семьи.

Что сподвигло Н.А. Соколова взяться за написание книги о расследовании убийства Царской семьи? Думается, не последнюю роль в этом сыграл выход других книг на эту тему от людей, тесно связанных с расследованием. В 1920 г. была опубликована книга английского корреспондента Роберта Вильтона, освещавшего в 1919 г. поиски останков Романовых в Ганиной яме, «The Last Days of the Romanovs» («Последние дни Романовых»), а в 1922 г. увидела свет книга генерала М.К. Дитерихса, курировавшего общий ход расследования, под названием «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале». Соколов явно не хотел остаться в стороне, поэтому и предложил вниманию широкой публики свою версию гибели Царской семьи и проведенного им следствия. С другой стороны, выход книги давал возможность Соколову поправить свое финансовое положение.

Впервые книга Соколова была опубликована весной 1924 г. на французском языке. Она вышла в Париже в издательстве «Пайо» под названием: «Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe» («Расследование убийства Российской Императорской семьи»). Это было единственное прижизненное издание этой книги. Н.А. Соколов готовил издание на русском языке, но он не успел дожить до выхода своей книги на русском языке, т. к. 23 ноября 1924 г. скоропостижно скончался в г. Сальбри, во Франции.

Первое русское издание его книги увидело свет уже после его смерти – в 1925 г. На русском языке книга Соколова вышла под названием «Убийство Царской семьи». В дальнейшем, именно этот вариант книги многократно переиздавался в России. Вместе с тем, исследователи уже давно обратили внимание, что тексты французского издания 1924 г. и русского издания 1925 г. несколько отличаются друг от друга.

В настоящем издании русскоязычному читателю впервые предлагается ознакомиться с переводом на русский язык французского, прижизненного, издания книги Соколова, увидевшего свет в далеком 1924 г. Перевод с французского языка выполнен профессиональным переводчиком, членом Союза писателей России Сергеем Юрьевичем Нечаевым.

В чем французское и русское издание отличаются друг от друга? Прежде всего, у них разные названия. Если в заголовке русского издания 1925 г. акцент сделан на самом убийстве Царской семьи, то во французском издании 1924 г. – на проведенном Соколовым судебном следствии.

Другое немаловажное отличие: во французском издании 1924 г. 25 глав, а в русском издании 1925 г. – 26. Дело в том, что одна из глав французского издания (глава VIII) в русском издании разбита 2 отдельные главы (так получились главы VIII и IX).

Стоит отметить, что во французском издании 1924 г. используется метрическая система мер, а в русском издании 1925 г. используются устаревшие дореволюционные единицы измерения – аршины, вершки, пуды. Как известно, метрическая система мер была допущена к применению в России (в необязательном порядке) во время царствования Императора Николая II законом от 4 июня 1899 г. В качестве обязательной же она была введена декретом Временного правительства от 30 апреля 1917 г. Однако, новая система не сразу вытеснила устаревшие единицы измерения. Не удивительно поэтому, что они часто встречаются в материалах следствия по делу об убийстве Царской семьи, откуда и попали на страницы книги Н.А. Соколова.

Например, во французском издании 1924 г. указано, что размеры комнаты в Ипатьевском доме, где была казнена Царская семья, составляют 7,80 м на 6,40 м, а в русском издании 1925 г. – что размеры комнаты 7 аршин 8 вершков на 6 аршин 4 вершка, т. е. 5,33 м на 4,44 м.

Другой пример: во французском издании 1924 г. указано, что «Зимин получил в общей сложности 190 килограммов серной кислоты и подтвердил получение, расписавшись на приказах Войкова», а в русском издании 1925 г. написано – «Всего было выдано кислоты 11 пудов 4 фунта», т. е. 181,82 кг, если переводить в метрическую систему мер.

Если же говорить о текстуальных различиях, то их слишком много, чтобы перечислить их все в этом кратком предисловии. Отмечу лишь, что в изданиях 1924 г. и 1925 г. довольно сильно отличаются даже Заключение. Во французском издании 1924 г. Заключение значительно длиннее, чем в русском, и содержит больше размышлений Н.А. Соколова.

Какое издание точнее отражает замысел автора? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь в том случае, если будет найдена рукопись книги с собственноручными правками Соколова, отражающими ход его мысли по мере работы над книгой. Пока же остается радоваться тому, что на русском языке наконец стали доступны оба варианта текста книги Н.А. Соколова.

В настоящем издании, ориентированном на максимально широкий круг русскоязычных читателей, представлен сокращенный перевод книги 1924 г.: при публикации опущены главы VII, VIII и IX. По своему содержанию они практически полностью совпадают с текстом, который представлен в русском издании 1925 г. (соответственно, главы VII, VIII, IX и X). В этих главах содержатся размышления Соколова о связях Григория Распутина с Царской семьей и о неблагоприятной роли в гибели Николая II зятя Распутина Б.Н. Соловьёва и рассматривается предполагаемое участие немцев в увозе Николая II из Тобольска весной 1918 г. Также в настоящем издании опущена часть XVII-й главы, в которой приведены результаты химико-микроскопических экспертиз. Кроме того, опущен излишне подробный список предметов, принадлежавших Царской семье и найденных в ходе следствия в Екатеринбурге.

В дальнейшем предполагается 2-е, полное, издание этой книги на русском языке, рассчитанное на специалистов.

*Михаил Игоревич Вебер, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН*

Н.А. Соколов

Расследование убийства Российской Императорской семьи

Предисловие автора

Мне было поручено производить расследование убийства императора и его семьи. С юридической точки зрения, я старался сделать все возможное, чтобы найти истину и довести ее до будущих поколений. Я не думал, что мне однажды самому придется говорить об этом, так как я надеялся, что ее установит своим авторитетным приговором русская национальная власть. Но судьба решила все иначе. В небывалой катастрофе, постигшей наше Отечество, я совершил бы преступление против истины, если бы не попытался опубликовать результаты этого объемного и очень сложного расследования с упором на факты, установленные мною.

Я не претендую на то, что мне известны все факты и через них вся истина. Но до сего дня она мне известна более, чем кому-либо другому. Нынешняя суровая реальность не оставляет надежд на благоприятное будущее, а неумолимое время предает все забвению.

Я допускаю, что в этом расследовании многие вопросы останутся без ответа для жаждущего узнать всё. Оно покажется по необходимости ограниченным, ибо его главным предметом было само убийство. Но жертвой является человек, который, будучи облеченным высшей властью, в течение долгих лет управлял одним из могущественнейших народов.

Два фактора – личность жертвы и реальность, в условиях которой свершилось преступление, – придают особый характер одновременно и преступлению, и этой самой реальности. Это явления исторические.

«Одним из отличительных признаков великого народа является его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном или в нескольких великих людях, которые и выведут его на временно покинутую им прямую историческую дорогу»¹⁵.

Никакой исторический процесс невозможен вне представлений о прошлом. И на это наше прошлое тяжким грузом давит убийство царя и всей его семьи. Я надеюсь, что правдивый рассказ об этом преступлении послужит народу, к которому я принадлежу.

Поэтому, помня слова великого русского историка, я и старался, как ни соблазнительно ярко порой были мои личные воспоминания о пережитом, излагать факты, основываясь исключительно на данных строгого юридического расследования. Рассказав о необходимости опубликования результатов этого расследования на чужбине, во Франции, я должен поблагодарить князя Николая Орлова за ту помощь, которую он оказал мне в этой публикации.

Фонтенбло (1921–1924)

Н. Соколов

¹⁵ Речь профессора и академика В.О. Ключевского, произнесенная в торжественном собрании Московской Духовной Академии 26 сентября 1892 года.

Как было организовано расследование

25 июля 1918 года¹⁶ город Екатеринбург был отбит у большевиков войсками Сибирской армии и чехословаками. 30 июля началось судебное расследование. Оно было доверено судебному следователю по делам первой важности Екатеринбургского окружного суда Намёткину в установленном законом порядке – в силу указания № 131, данного прокурором этого суда от 30 июля¹⁷.

7 августа 1918 года Екатеринбургский окружной суд на общем собрании своих отделений постановил освободить Намёткина от дела и возложить его на члена суда Сергеева. Причина такого решения была связана, с одной стороны, с поведением самого Намёткина, с другой – с обстановкой того времени.

После взятия Екатеринбурга, перед лицом фактов, доказывавших убийство если не всей Императорской семьи, то, по крайней мере, самого Императора, военная власть, единственная тогдашняя власть, реально обеспечивавшая порядок, потребовала от Намёткина, как от следователя по делам первой важности, чтобы он немедленно приступил к расследованию.

Намёткин, опираясь на букву закона, заявил, что он не имеет права начинать следствие без распоряжения прокурора суда, но того в первые дни освобождения Екатеринбурга не оказалось.

Подобное поведение Намёткина вызвало недовольство как в военных, так и в гражданских кругах. Никто не верил в чистоту его преувеличенного уважения к закону. Намёткина обвиняли в трусости перед лицом возможного захвата Екатеринбурга большевиками. Иные пошли в своих подозрениях и еще дальше.

Для наилучшего обеспечения поиска истины суд счел необходимым забрать дело у Намёткина, потерявшего, может быть и несправедливо, всякое доверие, и передать его члену суда Сергееву, что в определенных случаях предусматривалось специальным законом.

Было бы более естественным привлечь к делу следователя по особо важным делам из Казани, в ведение которого входил город Екатеринбург. Но физически сделать это оказалось невозможно, так как Казань была отрезана от Екатеринбурга большевиками.

В первые месяцы расследования вся территория России от Волги до океана представляла собой конгломерат правительств, которые, свергнув большевиков, еще не объединились в единое целое. Объединение произошло в Уфе 23 сентября 1918 года. После совещания в Уфе возникло единое правительство в форме директории, состоявшей из пяти человек. 18 ноября 1918 года верховная власть была сконцентрирована в руках адмирала Колчака. 17 января 1919 года адмирал дал приказ генералу Дитерихсу, бывшему главнокомандующему фронтом, представить ему все найденные вещи Императорской семьи, а также все материалы следствия. В соответствии с этим приказом, ставшим специальным законом, судья Сергеев, постановлением от 25 января 1919 года, выдал генералу Дитерихсу протоколы следствия и все вещественные доказательства. Эта передача была совершена в строгом юридическом порядке в присутствии прокурора Екатеринбургского суда В.Ф. Иорданского. В первых числах февраля генерал Дитерихс доставил все это в Омск в распоряжение верховного правителя.

Последний счел опасным оставлять дело в общей категории местных екатеринбургских дел, хотя бы уже по одним стратегическим соображениям, исходя из близости линии фронта.

¹⁶ Даты везде указываются по новому стилю, кроме того, где это особо оговаривается.

¹⁷ В России имелось три категории судебных следователей: участковый, по делам первой важности и по особо важным делам. Степень «важности» определялась прокурорами. Работа у следователя второй категории возникала по указанию прокурора суда, у следователя третьей категории – по указанию прокурора суда, прокурора палаты или министра юстиции, в качестве генерал-прокурора.

Ему показалось необходимым принятие специальных мер для обеспечения охраны исторических документов.

Оставление дела у члена суда Сергеева не оправдывалось даже ближайшими задачами работы, ибо нужны были допросы многих лиц, рассеянных по всей Сибири и даже дальше. При этом член суда был прикреплен к своему суду.

Наконец, сама передача дела одному из членов суда являлась компромиссом, связанным с условиями того времени. Она противоречила закону, возлагавшему производство предварительных следствий на специалистов, на судебных следователей.

5 февраля адмирал вызвал меня к себе, а я как раз был следователем по особо важным делам при Омском окружном суде. Он приказал мне ознакомиться с материалами дела и представить ему мое мнение о дальнейшем порядке расследования. На следующий день, 6 февраля, я представил ему следующий доклад:

1) Расследование должно быть обязательно построено на базе закона, как это делалось до того: на основе устава уголовного судопроизводства.

2) К нему должны быть в достаточном количестве привлечены судебные следователи.

3) У них во главе должен стоять кто-то, обладающий большим авторитетом: по моему мнению, это должен был быть уровень сенатора, обладающего опытом в следственной технике.

Но действительность была к нам жестока. Никаких сенаторов подобного рода в далекой Сибири не нашлось.

Выслушав меня, адмирал сказал, что он решил возложить продолжение расследования на меня. 7 февраля 1919 года я получил соответствующее распоряжение от министра юстиции. В тот же день я принял от генерала Дитерихса все протоколы следствия и вещественные доказательства.

3 марта, перед моим отъездом на фронт, адмирал считал необходимым передать мне специальный приказ, согласно которому он брал на себя всю моральную ответственность; он объявил, что следствие поручено мне в законном порядке, и в основе этого лежит его личная воля. И до самой своей смерти адмирал постоянно проявлял заботу об этом деле. После его гибели я прибыл в Европу, где моя работа заключалась в допросах некоторых свидетелей.

Мне показалось абсолютно необходимым указать в основных чертах основания, на которых было построено судебное расследование, так как мне часто приходилось встречать в обществе ошибочное представление об этом аспекте дела, даже со стороны людей, писавших об убийстве Императорской семьи. Я часто встречал с их стороны следующие фразы: что это генерал Дитерихс проводил расследование, что это он им руководил. Но это не так. Генерал Дитерихс проявлял живой интерес к делу, к каждому из его этапов, и ему более, чем кому-либо, обязана истина.

Но ее поиском занималась не военная, а судебная власть. А генерал Дитерихс не руководил работой судебного следователя, и он не мог ей руководить, хотя бы по той простой причине, что дело следователя, как его совершенно точно определил великий Достоевский, есть свободное творчество.

В основе этого судебного расследования лежит закон, совесть судьи и требования правовой науки.

Глава I

Ставка в дни революции. Арест Императора. Его перемещение в Царское Село. Царское Село в дни революции. Арест императрицы.

§ 1

Убийство членов Императорской семьи и некоторых других лиц, казненных вместе с ними, – вот объект моего расследования.

Как реальный факт, оно было осуществлено в определенном пространстве и времени. Исходя из особого статуса жертв, чтобы был полностью понятен характер этого преступления, необходимо изучить события, тому предшествовавшие. В начале февральского мятежа Император пребывал в Могилеве, где находилась ставка. Императрица и дети были в Царском Селе. Сопоставляя показания свидетелей, генерала Дубенского¹⁸, находившегося в те дни при ставке, и генерала Лукомского¹⁹, занимавшего тогда пост генерал-квартирмейстера главнокомандующего, а также воспоминания и документы, опубликованные последним в «Архиве русской революции» (тома 2 и 3, издательство «Слово», Берлин), представляется возможным констатировать следующее:

8 марта 1917 года Царь отбыл из Царского Села в ставку, куда прибыл днем 9 марта.

10 марта в ставке была получена телеграмма военного министра Беляева, извещавшая о том, что на заводах в Петрограде объявлена всеобщая забастовка, и что среди рабочих из-за недостатка продовольствия начались беспорядки.

В тот же день от Беляева пришла вторая телеграмма о том, что рабочие вышли на улицу, и это движение разрастается. Обе телеграммы Беляев сопровождал уверениями, что никакой серьезной опасности нет, и что 11 марта с беспорядками будет покончено.

11 марта Беляев и командующий петроградским военным округом генерал Хабалов телеграфировали, что в некоторых войсковых частях имели место отказы применять оружие против рабочих, к которым присоединилась чернь. Беляев вновь продолжил убеждать царя, что приняты все меры к прекращению беспорядков. Генерал Хабалов, напротив, просил прислать подкрепления, указывая на ненадежность петроградского гарнизона.

В тот же день пришла первая телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, и он сообщил, что солдаты начинают арестовывать офицеров и переходить на сторону рабочих и черни, и что необходимо прибытие надежных частей.

Вечером того же дня и утром 12 марта были получены две телеграммы на имя Императора от Родзянко. Они были весьма тревожны. В них говорилось, что единственная возможность восстановления порядка заключается в издании манифеста об ответственности министров перед Государственной Думой, в отпуске в отставку всех действующих министров и сформировании нового кабинета лицом, пользующимся единодушным доверием.

12 марта, около полудня, генерал Алексеев был вызван по телефону великим князем Михаилом Александровичем. Он подтвердил новости, сообщенные Родзянко, поддержал необходимость указанных им мер и назвал князя Львова и Родзянко в качестве людей, которым следовало бы поручить формирование нового кабинета.

Алексеев тут же передал Императору свой разговор с великим князем. После этого была получена новая телеграмма от председателя Совета Министров князя Голицына. Она была

¹⁸ Был допрошен мною в Париже 28 и 29 декабря 1920 года.

¹⁹ Был допрошен мною в Париже 3 июля 1922 года.

аналогична указаниям Родзянко и великого князя Михаила Александровича. В ней добавлялось также, что нахождение у власти Протопопова вызывает всеобщее недовольство. Эта телеграмма была передана Алексеевым лично Императору. В результате сообщений Беляева, Хабалова и Родзянко, Алексеев по повелению Императора телеграфировал главнокомандующим Северного и Западного фронтов, чтобы они приготовили к отправлению в Петроград некоторые воинские части, а генерал-адъютанту Иванову было предписано прибыть в Петроград и подавить мятеж.

По итогам доклада Алексеева о разговоре с великим князем Михаилом Александровичем, Император приказал генералу ответить великому князю, что он благодарит его за советы, но что он сам знает, что ему делать.

По поводу телеграммы князя Голицына Император сказал Алексееву, что ответит ему лично.

Через два часа генерал Лукомский получил от Императора телеграмму, написанную от руки и адресованную князю Голицыну, и в ней говорилось, что он, исходя из сложившейся ситуации, не находит возможным производить какие-либо перемены в составе Совета Министров и требует подавления революционного движения и бунта среди солдат.

После тщетных усилий со стороны Алексеева склонить Императора к уступкам, на которые указывали Родзянко, великий князь Михаил Александрович и князь Голицын, была отправлена телеграмма. Генерал Лукомский утверждает, что между получением телеграммы от князя Голицына и тем, когда Император ему ответил, он более часа разговаривал по телефону.

Ставка была связана телефонной линией с Петроградом и Царским Селом.

В связи с тем, что Император послал телеграмму председателю Совета Министров, все решили, что Император разговаривал с Императрицей.

Указывая на эти факты, генерал Лукомский признал, что в эти дни 10 и 11 марта в ставке не придавали серьезного значения событиям в Петрограде. Генерал Дубенский, имевший в эти дни возможность видеть Императора, заявил, что «он был безмятежен и ничем не проявлял даже тени беспокойства».

Из показаний полковника Энгельгарда, первого председателя революционного штаба Государственной Думы, опрошенного мной в Париже 12 апреля 1921 года, следует, что с 12 марта 1917 года смута в Петрограде уже приняла организованный характер. В тот день, между тремя и пятью часами дня, возник «Комитет Государственной Думы», а в нем – «Военная Комиссия», председателем которой в первые дни он и стал.

Ранним утром 13 марта Император покинул ставку и отбыл в Царское Село, следуя по маршруту Могилев – Орша – Смоленск – Лихославль – Бологое – Тосна. Перед его поездом шел свитский поезд – на расстоянии часа езды от него. В пути в свитском поезде стало известно, что в Петрограде появилась революционная власть, и ею отдан приказ направить поезд Императора не в Царское Село, а в Петроград. Об этом было доложено Императору, и тот распорядился продолжать двигаться в Царское Село. Но потом выяснилось, что узловые пункты Любань и Тосна захвачены революционными войсками. Император принял решение ехать в Псков.

Там 15 марта имело место отречение. 16 марта, поздно вечером, Император возвратился в Могилев, куда на следующий день приехала Императрица Мария Фёдоровна.

Пребывая в Могилеве, Император принял отставку всех офицеров и солдат генерального штаба, а 21 марта он направил прощальное обращение к русской армии, собственноручно написанное им 20 марта.

Цель моего специального расследования обязывает меня привести его текст полностью:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу

Родину от злого врага. В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников.

Помните, что всякое ослабление порядка только на руку врагу. Я твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий!»

Согласно показаниям генерала Дубенского, пока Император пребывал в ставке, Алексеев вел переговоры с Временным правительством о свободном его проезде в Царское Село, свободном пребывании в этой резиденции и свободном отъезде за границу через Мурманск.

По воспоминаниям генерала Лукомского, Временное правительство гарантировало Императору и его семье свободный отъезд за границу.

Однако 21 марта в Могилев прибыли посланные Временным правительством члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. Они должны были сопровождать Императора в Царское Село. На самом же деле, это было не сопровождение, а уже охрана. Генерал Лукомский считал их поведение «отвратительным». Они не имели никакой жалости к личным чувствам того, кто переживал столь страшные для себя дни.

21 марта Император покинул ставку и отправился в Царское Село, куда он прибыл 22-го. Генерал Дубенский был свидетелем его отъезда из Могилева. Вот его свидетельство: «Император вышел из вагона императрицы-матери и прошел в свой вагон. Он стоял у окна и смотрел на всех, провожавших его. Почти против его вагона был вагон императрицы-матери. Она стояла у окна и крестила сына. Поезд тронулся. Генерал Алексеев отдал честь Императору, а когда мимо него проходил вагон с депутатами, он снял шапку и низко им поклонился».

§ 2

А что происходило в эти дни в Царском Селе? Это было выяснено на основании допросов лиц, окружавших в те дни Императрицу и детей²⁰.

Исходя из их свидетельских показаний, можно считать полностью установленными следующие факты:

В первые дни Императрица была вынуждена уделять много внимания своим детям, один за другим заболевавшим корью. Первым заболел царевич Алексей Николаевич. И нужно знать характер любви императрицы к своему сыну, чтобы понимать состояние, в котором она пребывала в эти страшные дни.

7 марта царевич был уже в постели. Императрица сама в письме графине Гендриковой указывает, что температура доходила до 38,3°. Постепенно болезнь захватила всех великих княжон и протекала у них весьма бурно при температуре 40,5°. У Марии Николаевны и Анастасии Николаевны болезнь впоследствии осложнилась воспалением легких.

²⁰ Воспитатель царевича Петр Андреевич Жильяр, старшая комнатная девушка великих княжон Александра Александровна Теглева и ее помощница Елизавета Николаевна Эрсберг; горничные императрицы Магдалина Францевна Занотти и Мария Густавовна Тутельберг; камердинер императрицы Алексей Андреевич Волков. Все эти свидетели допрошены: Жильяр – 12–14 сентября 1918 года в Екатеринбурге членом суда Сергеевым, а также мною – 5–6 марта и 27 августа 1919 года в Омске, 14 марта 1920 года в Харбине и 27 ноября того же года в Париже. А.Теглева – мною 5–6 июля 1919 года в Екатеринбурге и 17 июля того же года в Тюмени. Е.Эрсберг – мною 6 июля 1919 года в Екатеринбурге, 17 июля того же года в Тюмени и 16 марта 1920 года в Харбине. – М.Занотти – мною 11 ноября 1920 года в Париже; М.Тутельберг – мною 23–27 июля 1919 года в Ишиме в Сибири; Волков – 22 октября 1918 года в Екатеринбурге членом суда Сергеевым, а также мною – 20–23 августа 1919 года в Омске и 15 марта 1920 года в Харбине.

В первые дни мятежа Императрица получала информацию о событиях в Петрограде из докладов министра внутренних дел Протопопова. Объяснения последнего были ложными. Он делал свои доклады по телефону, и Императрица получала их не напрямую, а через своего камердинера Алексея Волкова.

Вот его слова:

«Мы получали информацию о событиях в Петрограде по телефону от министра внутренних дел Протопопова. Он передавал мне новости. Я передавал их Императрице. Протопопов говорил мне, что в городе имеют место волнения, но что он их ликвидирует, и что он не допустит ничего серьезного».

Позднее, хотя Протопопов и вынужден был признать ситуацию тревожной, он сопровождал все доказательствами своей собственной энергичности. И лишь когда движение приняло особо грозный характер, он испугался и сообщил Волкову: «Дела плохи, суд горит, толпа поджигает полицейские участки и пытается освобождать преступников из тюрем».

Императрица не имела правильного представления о характере движения, и даже неотвратимые факты не убеждали ее ни в чем. Она была неверно информирована министром внутренних дел Протоповым. Кроме того, она судила обо всем по своим личным соображениям. Когда Волков, передавая ей очередной доклад Протопопова, уже содержавший угрожающие вещи, сообщил ей, что, по слухам, даже казаки в Петрограде ненадежны, она ответила: «Нет, это не так. В России не может быть революции. Казаки не изменят».

Из сопоставления всех свидетельских показаний следует, что Императрица имела в тот момент совершенно неверное представление о характере происходящего, и она именно это передавала по телефону Императору, то есть в генеральный штаб.

Реальность и порванная связь с Императором, о чем ходили различные слухи, породили в душе императрицы тревогу, и на ее глазах дамы из ее окружения увидели слезы. Но в то же самое время она не теряла ни мужества, ни самообладания.

Чувство одиночества толкнуло ее к тому, что она позвала к себе великого князя Павла Александровича. Этот факт важен для понимания ее настроения после исчезновения связи с Императором при отъезде того в Могилев. После гибели Распутина великий князь Павел Александрович, отец великого князя Дмитрия Павловича, обвиненный в участии в убийстве, не мог появляться при дворе без личного приказа императрицы. И теперь она позвала его. В эти дни он оказывал ей моральную поддержку. Можно предположить, что под воздействием событий и великого князя Павла Александровича Императрица признала необходимость некоторых уступок. Горничная императрицы Занотти в своих свидетельских показаниях указывает: «Великая княжна Мария Николаевна говорила мне, что Императрица решила уступить и отправила письмо Императору, в котором советовала ему дать стране ответственное министерство. Но это письмо не дошло до адресата. Было уже слишком поздно. Император уже отрекся от престола».

Императрица не допускала возможности отречения Императора ни в пользу сына, ни в пользу себя самой. И она сначала даже не поверила в слухи об отречении. Она посчитала их провокационными. Но затем, сочтя это возможным, она попыталась бороться с этим несчастьем через посредство великого князя Павла Александровича и некоторых других людей.

Эти попытки оказались тщетными из-за отсутствия связи с Императором. Но она не потеряла ни отваги, ни внешнего спокойствия, даже когда узнала о том, что отречение – это уже свершившийся факт. У нее даже хватило моральных сил, чтобы успокаивать свое окружение. Свидетельница Эрсберг показывает:

«Она сохраняла самообладание; безусловно, она не теряла надежды на лучшее будущее. Я помню, что, когда она увидела меня плачущей после отречения Императора, она утешала меня и говорила: «Народ одумается, призовет Алексея, и все будет хорошо».

Это же подтверждали и другие свидетели.

§ 3

Арест императрицы произошел в тот же день, что и арест Императора: 21 марта 1917 года.

Он был выполнен знаменитым генералом Корниловым, бывшим тогда в должности командующего войсками Петроградского военного округа.

При этом аресте присутствовал только один человек: новый начальник гарнизона Царского Села полковник Кобылинский, назначенный на эту должность Корниловым.

Полковник Евгений Степанович Кобылинский дал детальные и очень объективные показания. Я допрашивал его в Екатеринбурге в течение пяти дней – с 6 по 10 апреля 1919 года. В его присутствии Корнилов коротко сказал Императрице: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить вам постановление Временного правительства. Начиная с этого момента вы считаетесь арестованной».

Императрица приняла Корнилова в одной из комнат апартаментов детей. После этих кратких слов Корнилов представил Императрице полковника Кобылинского, затем он приказал ему удалиться и остался наедине с Императрицей. Их разговор длился около пяти минут. Указанные выше люди, осведомленные об этом от императрицы и детей, показали, что Корнилов старался успокоить Императрицу и убеждал ее, что семье ничего не угрожает.

Затем Корнилов собрал находившихся во дворце людей и объявил им, что все, кто хочет остаться при Императорской семье, должны впредь подчиняться режиму арестованных.

В тот же день произошла смена караула. Сводный полк, охранявший дворец, был заменен на гвардейский стрелковый полк.

На следующий день прибыл император. Полковник Кобылинский ждал его на платформе вокзала. Он потом рассказал: «Император вышел из вагона, очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. Его сопровождал гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков. Ко мне на перроне подошли двое штатских, из которых один был член Государственной Думы Вершинин. Они мне сказали, что их миссия окончена, и что они передают мне царя. Я не могу забыть спектакль, увиденный мною в тот момент. В поезде с Императором приехало много людей. Когда он вышел из вагона, все они рассыпались по перрону и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, видимо, опасаясь, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда командир сводного полка генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма постыдная».

Ворота дворца были заперты, когда приехал автомобиль Императора. Часовой не открыл их и позвал дежурного офицера. Тот крикнул: «Открыть ворота бывшему царю!» Многие наблюдали эту сцену. Свидетельница Занотти показывает: «Я прекрасно помню поведение дежурного офицера. Он хотел обидеть царя. Когда тот шел мимо него, он оставил папиросу во рту и держал руку в кармане».

На крыльцо, движимые любопытством, вышли другие офицеры. Все они были с красными бантами на груди. Ни один из них, когда проходил император, не отдал ему чести. А вот Император отдал им честь.

Императрица бросилась ему навстречу. Но он обогнал ее и встретился с ней уже на детской половине. При этой встрече присутствовал только камердинер Волков. Потом он показал: «С улыбкой они обнялись, поцеловались и пошли к детям».

Позднее, вернувшись к себе, они расплакались. Это видела горничная императрицы Анна Степановна Демидова, которая потом погибла вместе с Императорской семьей. Она рассказывала об этом другим, оставшимся в живых.

Глава II

Мотивы ареста Временным правительством Императора и императрицы. Показания князя Львова, Керенского и Милюкова. Инструкции Керенского по содержанию Императорской семьи. Установленный им режим.

§ 1

22 марта Императорская семья была собрана вместе. Она находилась в Царском Селе до 14 августа, а потом была направлена в Тобольск, в Сибирь.

Самым важным событием за этот период стал арест Императора Временным правительством. Это решение было принято 20 марта 1917 года, и в нем не было указано никаких мотивов для подобной меры. Я пытался докопаться до них допросами трех человек: главы Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова, министра юстиции Александра Федоровича Керенского и министра иностранных дел Павла Николаевича Милюкова²¹.

Князь Львов сообщил:

«Временное правительство не могло не принять некоторых мер в отношении Императора, только что потерявшего власть. Оно лишило его свободы, равно как и Императрицу. Я бы сказал, что принятие этой меры в тот момент было психологически неизбежным, вызванным всем ходом событий. Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока».

Кроме этой причины ареста Их Величеств князь Львов указал еще и на другую:

«Временное правительство было обязано тщательно и беспристрастно исследовать поступки бывшего Императора и бывшей императрицы, в которых общественное мнение усматривало вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, имея в виду войну с Германией».

Керенский показал:

«Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного правительства, принятому 20 марта. Подтолкнуло к этому две категории причин: крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и недовольство рабочих петроградского и московского регионов, враждебно относившихся к Николаю. Вспомните мое выступление от 20 марта в пленуме московского совета. Там от меня требовали казни Императора. Протестуя от имени Временного правительства против подобных требований, я сказал, что никогда не стану играть роль Марата. Я говорил, что оценивать ошибки Николая перед Россией будет беспристрастный суд. А сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что для них здесь проблема заключалась не столько в самой личности Николая II, сколько в идее царизма, пробуждавшей ненависть и чувство мести... Вот первая причина, побудившая Временное правительство арестовать царя и Александру Федоровну. Действуя так, оно обеспечивало охрану их личностей. Вторая группа причин заключалась в настроениях иных общественных классов. Если рабочие и крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики царя и его правительства, то интеллектуалы, буржуазия и часть высшего офицерства явно видели во всей внутренней и внешней политике царя, а в особенности в действиях императрицы и ее окружения, ярко выраженную тенденцию к развалу страны, имевшую целью заключение сепаратного мира и союза с Германией. Временное правительство

²¹ Эти свидетели были допрошены мною в Париже: князь Львов – 6–30 июля 1920 года, Керенский – 14–20 августа 1920 года, Милюков – 23 октября 1920 года и 12 июля 1922 года.

было обязано расследовать поступки царя, Александры и ее окружения. Декретом Временного правительства от 17 марта 1917 года была учреждена Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия, которая должна была исследовать активность всех тех, кто действовал во вред интересам страны. В частности, эта Комиссия должна была изучить роль Николая, Александры Федоровны и ее окружения. Необходимость такого изучения указывалась в самих мотивах декрета Временного правительства об учреждении Комиссии. Для того чтобы эта Комиссия могла выполнить свои обязанности, необходимо было изолировать Николая и Александру Федоровну. Эта необходимость и была второй причиной лишения их свободы».

Милюков показал:

«Моя память абсолютно не сохранила ничего об этом. Я совершенно ничего не помню о том, когда и как было решено арестовать Николая и Императрицу. Представляя себе в целом характер того времени, я думаю, что Временное правительство, по всей видимости, санкционировало эту меру, предложенную Керенским. В то время имели место несколько секретных заседаний правительства, и протоколы таких заседаний не велись. Вероятно, на одном из таких заседаний и было принято это решение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.